СЛОВО

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

къ

Императору Ѳеодосію.

Переведено съ Латинскаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Съ дозволенія Управы Благочинія.
1790 го Года.

Святый Амвросій жилъ при Императорѣ, Ѳеодосіи Великомъ въ исходѣ четвертаго столѣтія по рождествѣ Христовѣ. Мужъ ученый, твердый и ревнительный. Будучи градоначальникомъ въ Лигуріи, избранъ былъ въ церквѣ народомъ въ Епископы Медіоланскіе; и въ семъ достоинствѣ утвержденъ Императоромъ. Ѳеодосій, Великимъ прозванный, по многихъ дѣяніяхъ похвалы достойныхъ, затмилъ славу свою убійствомъ жителей Ѳессалоники. Сей столичной городъ во Иллиріи, наполненъ былъ народомъ необузданнымъ и любящимъ позорища.

Градоначальникъ за нѣкое своевольство, посадилъ въ тюрьму ристалищнаго возницу. Время настало игръ, народъ требовалъ своего любимца; градоначальникъ отказалъ ему въ его освобожденіи. Тогда народъ возмущенный, убилъ начальника, и многіе знаменитые граждане въ семъ смятеніи погибли. Раздраженный непокорливостію жителей Ѳессалоники, Ѳеодосій возсвирѣпствовалъ непротивъ убійцовъ, но противъ всего общевства. Поощренный на звѣрство, своимъ любимцемъ Руфиномъ, онъ далъ повелѣніе на убіеніе Ѳессалоникянъ. Сіе патубное приказаніе исполнено въ

самой точности. Онъ къ лютости намѣренія своего присовокупилъ измѣну. Народъ собрался для позорища въ опредѣленное на то мѣсто. Тутъ безъ различія, невиннаго съ преступникомъ, безъ различія пола и возраста, все что не могло спастися бѣгствомъ погибло мечемъ воиновъ. И повелѣвшій таковая мучитель, могъ еще названъ быть Великимъ! Могутъ ли наиблестящія подвиги противостоять мерзительности сего поступка? Можно ли оставить названіе Царя извергу, зарѣзавшему тысящи гражданъ? Одно судебное убійвство, подвергнуть должно судящаго от-

вѣту общему; чего же достоинъ повелѣвающїй тысячи убїйвствъ, неразличивъ на судѣ преступника отъ невиннаго?

Сего всесильнаго мучителя, сего звѣря вѣнчаннаго, Амвросїй дерзнулъ не впустить въ церковь. Постой тиранъ, вѣщалъ ему святый мужъ, осуши кровїю обагренныя твои руки. Я слѣдовалъ примѣру Давида, вѣщалъ мучитель. Слѣдуй его раскаянїю, говорилъ Амвросїй. О если бы раскаянїе Царей могло исправлять бѣдствїи народа! Но раскаянїе нерѣдко остается при безплодномъ движенїи души, и исправленїе за нимъ не слѣдуетъ.

Ѳеодосїй почувствовалъ однако же, сколь худо исполнять мгновенно движенїя своея души, да и тѣмъ паче, что чувствовалъ можетъ быть, что страсть гнѣва надъ нимъ могла господствовать. И для того законоположилъ что бы рѣшенїя судебныя о смертной казни и о лишенїи именїя не прежде исполняемы были какъ чрезъ тридцать дней. Неистовый! Неужели думалъ ты что всѣ судїи въ землѣ тебѣ подвластной, суть изверги тебѣ подобные; что въ дѣянїяхъ своихъ влекутся всегда страстїю и гнѣвомъ? О лютая вѣсь! гдѣ бы таковое законоположенїе могло

почерпнуто быть изЪ нравовЪ народныхЪ. Но вЪ оправданіе человѣчества скажемЪ, что законы вЪ единоначальныхЪ правленіяхЪ, начало свое имѣютЪ чаще вЪ побужденіяхЪ Царя движущихЪ, нежели основаны на правилахЪ изЪ существЪ общества изтекающихЪ.

СЛОВО.

Попралъ Өеодосій, попралъ всю прежняго житія своего честность, когда ты знаменитую при нашей памяти надъ градомъ Солуномъ одержалъ побѣду; завяла цвѣтущаго издревле и великолѣпнаго гражданства красота; лежатъ тамъ седмь тысячь мстительнымъ мечемъ пораженныхъ гражданъ и плачевные слѣды поражающаго сопостата остались на позорищахъ, на распутіяхъ, на площадяхъ и въ самыхъ храмахъ, или зданія и другія кровію обагренныя мѣста суровой онаго видъ живо представляютъ, или раненыхъ печальный раздается стонъ. Распускай теперь побѣдительныя знамена Императоръ, и въ великолѣпное сіе и божественное святилище съ торжествомъ вступай. Вѣщай предъ ол-

тарем твои корысти, богатополученной добычи жертвенники, и для того ты безсмертному и всесильному Богу, толикаго добра виновнику чрезвычайное возсылай благодаренїе. Что столбѣнѣешь? что измѣняешся? Что въ нѣкоемъ изступленїи туда и сюда мещешь твои взоры? Удивительно можетъ быть тебѣ, что я толь отважно и толь досадно тебѣ говорю, удивительно тебѣ воспоминанїе о твоей побѣдѣ, а мои очи едва отъ слезъ осохшїе, кровїю обливаются, голосъ ослабѣваетъ и отъ великаго стенанїи вопля прерывается и почти со всемъ изнемогаетъ. Священники окрестъ меня стоящїе въ плачевной къ тебѣ вышли одеждѣ и народъ отвсюду стекшись то чрезъ вопль, то чрезъ движенїе, то чрезъ молву необычайную, величайшее предъявляетъ смущенїе. Удивительно, что ты

въ храмъ порываешся войти а двери его не только затворены но и заперты; и чевожъ еще тебѣ ожидать больше, когда ты предъ нашъ зракъ предсталъ мужъ крови? мы ли тебя грядущаго прiятнымъ лицемъ, съ восклицанiемъ и съ праздничными встрѣтимъ обрядами, тебя, котораго звѣроподобное безчеловѣчiе горькой плачь и болѣзнь всей нанесло церкви? Тебѣли священнаго храма отверзется дверь, которой столько живыхъ Божiихъ храмовъ неистово истребилъ? Или ты надѣешся обрѣсти своему беззаконiю убѣжище. Отъ кого ты бѣжишъ? Кого боишся? Бога ли? Но онъ вездѣ присутственъ, а особливо въ церкви пресѣдитъ престолу. Людей ли? Но они отъ тебя какъ отъ зiяющаго на поглощенiе ихъ змiя тщательно устраняются, а того кто съ ужасомъ удаляется, страшиться, есть величайшее бе-

зумїе. Грызущей ли тебя совѣсти? Она есть не разлучная твоей продерзости послѣдовательница и до толѣ угрызать тебя не престанетъ, пока злочестїе не оставитъ тебя. Видно по всему, что надмѣнность, а не желанїе получить спасенїе тебя сюда привлекли. Ты думалъ, что здѣсь никого, кто бы противу тебя теперь возсталъ, не будетъ, и кто бы за учиненной грѣхъ тебя дерзнулъ обличать, и по данной отъ всемогущаго Бога церкви власти себя и жизнь свою по желалъ такой подвергнуть опасности. Но что твоя надежда не исполнилась и сколь ты обманулся, видишъ теперь самъ, и болѣе еще увидишъ, когда жизнь твоя пресѣчется. Имя твое, или честь твоя, или презрѣнїе церкви святыя строгости тебя весьма обольстили.

Уповалъ ты, что тебя Амвросїй не огорчитъ, ибо медото-

чивыми онъ тебя прежде утѣшалъ словами. Думалъ ты, что твое Августѣйшее Императорское Величество, порфиры блескъ, скипетроносная власть, государства пространство и богоподобная честь меня въ робость приведутъ и то же съ тобою воспослѣдуетъ, что немощные съ сильными соперниками многократно дѣлать принуждены бываютъ. Сіи когда имѣніе расхитятъ, кровь пролїютъ, и своему безчеловѣчїю удовлетворятъ, то они жестокость ихъ болѣе уступкою, нежели сопротивленїемъ уменшить стараются. Не такъ Ѳеодосій, не такъ съ тобою Амвросій поступилъ. Вспомнимъ мы оба о своей должности: какъ царю не пристойно теченїю слова моего препятствовать, такъ священнику долженствующему вѣщать истинну не надобно о ней молчать. И такъ торжественно тебѣ объя-

вляю, въ церковь не входи, и дабы память невинно убитыхъ Солунянъ учинить безсмертною, тебя изъ числа чадъ Божїихъ исключаю, подвергаю проклятїю, лишаю священнаго имени христїанина, отъ участвованїя въ священныхъ обрядахъ отлучаю, входъ въ вѣчный животъ отъемлю и въ преисподняя къ дїаволу отсылаю. Что теперь думаешъ? бѣшенстволь тебя или печаль объемлютъ? Если бѣшенство, вотъ моя грудь, мсти данную намъ свыше власть и тамъ ее окрававленнымъ мечемъ ознаменуй, прилагай беззаконїе къ беззаконїю, когда тебѣ мало кажется быть кровожаждущимъ тираномъ, приобрѣтай себѣ имя священно убїйцы; при томъ знай Амвросїя, что онъ своего предпрїятїя неоставитъ, и мертвой его трупъ войти въ храмъ Божїй тебѣ воспрепятствуетъ, и дабы ты не учинилъ убїйства во

освященномъ семъ мѣстѣ, я въ предверіе онаго вышелъ. Если тебя печаль объемлетъ, по что печалишся? къ чрезмѣрному твоему безчестію, или какъ самъ ты желаешъ, или твое требуетъ величество, себя уничтожъ. Знай сію словъ моихъ цѣль.

Я не человѣка имѣю въ ненависти, но токмо гнушаюся безчеловѣчными дѣйствіями, не Царя казню, но жесточайшее дѣло обличаю. Гряди Ѳеодосій въ храмъ Божій, но только тиранъ да останется внѣ онаго, пусть всѣ отправляетъ церковные обряды Августъ, но кровопійца отъ того запретится, пусть вступаетъ Порфироносецъ въ Христіанское общество, но неправеднымъ убійствомъ обагренное человѣчество вонъ извергается. Я не воспрещаю обширныхъ странъ владѣтелю славиться тѣмъ, что онъ

знаменитый членъ церкви, толькобъ не искусная въ правленіи и предѣлы здраваго разсудка превосходящая свирѣпость не имѣла въ сей похвалѣ участія. О чемъ я говорю, чаю, тебѣ рѣчь моя, а мнѣ твоя случайность едва ли внятны. Ахъ Ѳеодосій до чего ты дошелъ! Мы тебя въ глазахъ нашихъ стояща ищемъ, и хотя на твое лице взираемъ, но въ то же самое время о твоемъ отсутствіи печалимся. Обидилъ ты не только себя и Солунянъ, но и насъ и цѣлое государство. Насъ, которымъ щедролюбивый Божескій промыслъ толикими добродѣтелями блестящую твою воцарилъ главу. Отъ чего вся наша зависѣла красота, все благочестіе, все милосердіе, вся кротость, вся справедливость, все сіе неистовостію своею ты помрачилъ. Когда въ будущей жизни потребуется отъ тебя все сіе обратно,

что возвратишъ? чего ты достоинъ будешь?

Когда вспомнишъ о Императорѣ гражданской крови неповинномъ, о Царѣ всѣ свои дѣянія на добронравіи основывающемъ, объ отцѣ непрестанно о благѣ подданныхъ своихъ пекущемся, что ты тогда скажешъ, что воздать можешъ? Вѣрь мнѣ, что сіи имена суть такія, коихъ непорочною кровію обагренная рука присвоить никакъ не мощна.

Сей случай тѣмъ для насъ горестнѣе, чѣмъ яснѣе предвидимъ, что не токмо настоящихъ благъ лишаемся, но и будущихъ. Вся наша надежда отсѣченіемъ Солунскихъ главъ изчезла. Кто теперь можетъ ожидать отъ тебя болѣе благодѣяній, которыя въ памяти нашей живо представляются? Побѣдилъ ты Максентія мучителя и его побѣдоносное воинство спосп-

шествованіемЪ БожіимЪ поправЪ, подЪ свою покорилЪ державу, и непріятельскія дѣйствія и злоумышленіе на твою Императорскую особу, не токмо оставилЪ безЪ мщенія, но по твоему великодушію и по предстательству моему ни какому наказанію не подвергЪ, и не лишилЪ жизни того, кто твою отЪять покусился. Боже мой! какія тогда были между добрыми взаимныя поздравленія, какія веселости, коль щастливыми почитали мы тѣ презднаменованія. ВсякЪ думалЪ, что когда собственнаго здравія врага, чрезЪ неслыханной и рѣдкой вЪ лѣтописяхЪ Царей примѣрЪ, по своему великодушію простилЪ, какЪ своихЪ подданныхЪ толь милостивый отецЪ небудетЪ щедрить? Но не основательно то было наше умствованіе, тщетна и надежда на того, коего вспыльчивое и безумное неистовство вЪ

одинъ мигъ все превратило и симъ превратомъ опровергло всю справедливость. Всему народу несноснѣйшаго состоянія ожидать подалъ ты причину.

Всѣмъ извѣстно, сколь удобно споспѣшествованіе святыя правды царства малыя и низкія въ скоромъ времени содѣлываетъ сильными и пространными, столь несправедливость обширныя и сильныя погубляетъ. Ибо ихъ неразрывныя цѣпи не столь сила и страхъ крѣпитъ и содержитъ какъ справедливость, которую ты или примѣромъ или дѣйствіемъ нарушилъ я самъ собою утвердить не могу.

Подданству нравамъ ли Царскимъ сооброзоваться должно; или по правиламъ добродѣтели, сей самодержавствъ правительницы, побуждающія Государя устроять благо общества, удерживающія его въ предѣлахъ благочестія и истин-

ной чести располагать свои дѣя-нія? Чего ты тогда ожидать можешъ, когда подданные увидятъ, что высочайшая ихъ власть утопаетъ въ беззаконіи, и не находя себѣ преграды, яко самовластный правъ судія, въ бездну всѣхъ пороковъ устремляется. Не самымъ ли дѣйствіемъ вкоренишъ въ серцахъ твоего народа превратныя понятія о добродѣтели и порокѣ, о чести и безчестіи. Что бы ты сдѣлалъ, когда бы тебѣ на судъ представили человѣкоубійцу: Можетъ быть ты бы его и освободилъ отъ казни. Но сколь велико беззаконіе главное рукъ Божіихъ твореніе погублять, высочайшей горней власти образъ мечемъ посѣкать, попирать ногами и жизнь прерывать. Все бы естественное право нарушилось, истребить надлежало бы судъ. Кому дана власть проливать кровь человѣка? безразсудно то милосердіе,

которое своею ненаказанностїю преступленїй попускаетъ беззаконїямъ умножаться. Вся природа вопїетъ противу не наказаннаго человѣкоубїйцы. Боже мой! Что я принужденъ повторять, развѣ не всегда представляется въ мысляхъ твоихъ неправедная Солунскихъ жителей казнь, или твое яростїю дышущее сердце отъ сего безчеловѣчїя несодрогается, или оно тебя, тысящи казней достойнаго, въ единомъ убїйвствѣ виновнаго не принудитъ свободить отъ казни. Ахъ! сколь ты Ѳеодосїй нещастливъ, если понимаешъ сїи мои слова, и сколь еще нещастливѣе естьли не разумѣешъ. Отверзи око души твоея и разсмотри дѣла твои. Представь прежняго Ѳеодосїя, представь Цесаря по святымъ предковъ своихъ слѣдамъ текшаго; а теперь увы! плачевныя перемѣны! съ Нерономъ ты сравнился, и что всего

страннѣе, тѣжъ самые учинилъ ты пороки, которыми Неронъ всему Риму сдѣлался ненавистнымъ, тебя такъ же, какъ Нерона чудовищемъ жаждущимъ человѣческой крови нарицаютъ. Отсѣль по справедливости все твое трепещетъ царство, и добродѣтельные и порочные отъ твоей ярости цѣпенѣютъ. Всякъ знаетъ, что не утолимая крови жажда начавшаго ее пить никогда удовольствована быть не можетъ. Знай, что ласковые и по природѣ тихїе звѣри, какъ скоро напїются крови, дѣлаются свирепѣйшими, такъ о тебѣ, коего кротость прежде сего весь свѣтъ превозносилъ хвалами заключаемъ, что отъ пролитїя Христїанской крови ты разсвирѣпѣлъ и впредь свое безчеловѣчїе обуздывать едва ли будешъ. Лучше бы тебѣ мщенїе отложить до утра, ежели нетерпѣливость нудила тебя употре-

бить таковую строгость, тобѣ хорошее и кроткое природы твоея разположенїе, или совѣтъ тебя удержали, нежели отъ внезапнаго огорченїя неразсудному твоего сердца слѣдовать воспаленїю и отступивъ отъ здраваго разсудка и презрѣвъ человѣчество чрезвычайнымъ пылать гнѣвомъ.

Вижу, что тщетно мое изобличенїе, не дѣйствительны слова и духовное мое врачество тебя не исцѣляетъ, и такъ удались отсюда зараза святыя церкви, чтобъ отъ долгаго твоего сдѣсь пребыванїя воздухъ священный храмъ сей окружающїй ядовитымъ твоимъ не заразился дыханїемъ, или самый храмъ, не терпя гнуснаго твоего здѣсь присутствїя, разорвавъ крѣпкїя свои связи не премѣнилъ мѣста, удались отсюда и поди въ свои чертоги, орошай слезами одръ твой, ударяй руками въ перси, по-

сыпь пепломъ главу твою, или скажу тебѣ кратко: Послѣдовалъ ты Давиду въ беззаконіи слѣдуй ему и въ покаяніи.

Конецъ.